

ГЛАВА ПЕРВАЯ

К вечеру прошел дождь, сильно похолодало. Но ниже нуля ртутный столбик не падал, земля не стыла, и единственная дорога, ведущая в деревню, тонула в грязи.

Лейтенант Шубин перебежал за мокрую скирду, заваленную ветками. В воздухе висела плотная изморось. Последние октябрьские дни 1941 года выдались дождливыми, полоскало обильно, дороги превратились в кашу. Вопрос интересный — кому это на руку? И наступать, и отступать в таких условиях было трудно.

За спиной раздался шорох, многозначительно кашлянули. Лейтенант раздраженно отмахнулся: сидеть! Размяк народ в партизанах, дисциплина хромает на обе ноги. Приказы еще выполняют, но обсуждать уже не стесняются. И трибуналом грозить бесполезно. Где он, этот трибунал?

За спиной стало тихо, успокоилось войско. Все устали как собаки. Дороги, хоть и раскисшие, находились под наблюдением. Посты немецкой

жандармерии дополнялись русскими полициями. Пришлось ломиться сквозь чащу — через голый колючий шиповник, обилие валежника. В лесу холод не чувствовался, но когда вышли на открытый участок, стали подмерзать.

Деревня, если верить старой карте, называлась симпатично — Чижики. Скорее хутор, а не деревня, несколько дворов, выросшие в землю избушки, амбары на краю селения. Тянулся в небо журавль колодца. С населением было небогато, по дворам блуждали согбенные фигуры, в домах жгли оставшийся керосин. В таких селениях обитали никому не нужные старики.

Сквозь деревню проходила дорога — впрочем, одно название.

Леса отступили, на востоке виднелась развилка. Немцев в деревне поначалу не было. Пока Глеб изучал в бинокль подворья, сгустились сумерки. Разведчики могли сделать остановку, привести себя в порядок. Но пока он принимал решение, донесся треск мотоциклетных моторов, пришлось пятиться обратно в лес. По дороге проехали два тяжелых BMW R-75. В каждой машине, помимо пилота, сидел пулеметчик. Солдаты в касках, короткие шинели. Мотоциклы отличались проходимостью, но колеса вязли в непролазной грязи, для проезда приходилось использовать обочины. В замыкающей машине имелась рация — покачивался провод антенны.

Немцы въехали в деревню, заглушили моторы. Разведчики глухо выругались — вот и отдохнули, привели себя в порядок...

Гитлеровцы перекликались, блуждали по дворам, пугали местных жителей. Но сегодня не стреляли — настроение было благодушное. Уезжать из деревни они не собирались. Захлопали двери, посыпались дрова из поленницы.

Стемнело. Надвинулись черные тучи, опустились на лес.

— Что делать будем, товарищ лейтенант? — прошептал приземистый, стриженный под ноль Курганов, кутаясь в фуфайку. — Не май, однако. Дальше пойдем? Или этих перебьем да погреемся?

Четыре пары глаз вопросительно глядели на командира.

— Что главное в нашем ремесле, товарищи разведчики? — строго, как на экзамене, спросил Глеб.

— Я знаю, — встрепенулся Леха Кошкин, — вовремя убратся.

Бойцы заулыбались. Оскалился чернявый Арсен Вартанян.

— Двойка, боец. Главное — уметь ждать. Так что сидим и наблюдаем.

— У товарища лейтенанта чуйка проснулась, — догадался Курганов. — Ладно, мы люди терпеливые, будем ждать.

А ведь действительно сработала чуйка! Что забыли на хуторе четыре мотоциклиста, у которых есть командиры, поставленные задачи, и вообще им здесь не Бельгия с Голландией? Солдаты вермахта хозяйничали на хуторе. На задворках возник дымок — затопили баню.

Чутье не подвело, товарищи терпели, кутались в заношенные телогрейки. «Почему у пилотки уши не опускаются? — жаловался Кошкин. — Зима на носу, полярный холод, а мы одеты хуже, чем немцы». Через полчаса снова послышался шум: появился бронированный вездеход в сопровождении мотоцикла. Колонна проехала мимо, растворилась в деревне.

— Кошкин, выяснить, — приказал Глеб. — Одна нога здесь, другая там. Да не светись на юру, лесом давай...

Леха вернулся через восемь минут — устал, рухнул под осину.

— Гулянка намечается, товарищ лейтенант. Прибыла четверка офицеров, а с ними три бабы. Не спрашивайте, что за бабы, мне не доложили. Смеются, лопочут по-русски, делают вид, что им хорошо и они ничего не боятся. Видать, из Развального привезли — до села шесть верст. Шлюхи тамошние. Баню топят, ящики с харчами таскают, бутылки бренчат... Товарищ лейтенант, я их звания не разглядывал, но явно из штабных: ухоженные, брезгливые, с тропы — ни шагу. Это же

подарок, товарищ лейтенант... Ну, если другие не подъедут.

— А чего они тут забыли? — простодушно спросил Шперлинг. — Ну, и гуляли бы у себя в Развальном. Там и охраны больше, и ехать никуда не надо.

— Квартирмейстеры? — предположил Кошкин. — А с ними пара чинов, чтобы присмотреться? Позже подойдет подразделение, встанут гарнизонам или штаб сюда перенесут...

— Сегодня вряд ли подойдут, — задумался Шубин. — Не стали бы тогда с девками гулять на ночь глядя. Утром подойдут основные силы. А сегодня гуляют, и к черту войну. Начальство далеко, район безопасный, в этом квадрате мы практически не светились. Сколько их всего?

— Четыре офицера, три барышни, — стал перечислять смысленный боец. — Четыре солдата в первой партии, два — во второй. Плюс еще водитель вездехода, он же денщик — такая вот оряси-на, проще перепрыгнуть, чем обойти. Семеро рыл рядового состава. В их числе капрал или унтер-офицер. Охранять будут господ офицеров. Только одеты они слабовато — шинельки на рыбьем меху, тонкие сапоги, будут больше греться бегом, чем охранять...

Стоило осмыслить ситуацию. Четыре офицера, пусть невысоких званий и должностей — просто божья милость. То, что квадрат перекроют

уже утром, значения не имело, разведчики уйдут. Полдня разведка плутала в потемках, и так не хотелось возвращаться с пустыми руками!

— Приготовить ножи и саперные лопатки. Для начала расчистим поле деятельности. Действовать тихо, по плану. А план я вам сейчас обрисую...

К хутору подкрались с двух сторон, когда веселье в русской бане набирало обороты. Из бревенчатого сруба доносились крики, брэнчала посуда, смеялись женщины. Процесс разложения командного состава германской армии шел полным ходом. Вояки чувствовали себя в безопасности. Но охрану выставили. Все это напомнило безумный пир во время чумы. Распахнулась дверь, гогочущая ватага высыпала на крыльцо, но не задержалась — все же не тропики. Сильная мужская рука шлепнула по женскому заднему месту. Понесся визг.

Часовой на окраине деревни кутался в отвороты осенней шинели и что-то напевал. Но самое важное событие в своей жизни он пропустил. Подкрался Арсен Вартанян, сбил часового с ног, несколько раз ударил ножом в горло. Подоспел Курганов, мертвеца оттащили в канаву.

Та же история повторилась на другой стороне деревни, но там Халевич работал в одиночку. Часовой ахнул, скинул с плеча МР-40 и набрал воздух в легкие. Халевич прыгнул с разбега, зажал немцу горло и давил даже после того, как они оба

упали. Немец извивался, колотил ладонью по грязи, доскаты, сдаюсь. Но подобные сигналы здесь не работали. Труп был тяжелый, подбежал Шперлинг, вдвоем разведчики оттащили мертвеца за дерево.

Еще одного часового Кошкин снял у калитки центральной избы. Тот прикрыл ладонями пламя зажигалки, эту штуку разведчик и вбил ему в зубы. А потом перехватил нож и добил ударом в живот.

Бойцы рассредоточились вокруг центрального подворья, перебрались через ограду. Двор окружали старые сараи. Шубин перелез на территорию с задней стороны, перебежал к бане, присел на углу.

Ждать пришлось недолго. По периметру курсировал рослый обер-гренадер с карабином «маузер» за плечом. Отточенное лезвие саперной лопатки разрубило ему ключицу. Глеб выдернул инструмент — брызнула кровь. Гренадер качнулся, схватился за рану. Второй удар был нанесен вертикально, тем же ребром. Треснула кость, потекло по лицу.

Солдаты вермахта слаженно действовали в составе подразделения, когда же они оставались наедине с опасностью, то терялись и впадали в замешательство.

Трамбовать мертвеца было некуда, Глеб оставил его на месте, прокрался, сжимая лопатку,

вдоль сруба. Внутри гуляла почтенная публика, разражались взрывы смеха. Окна в парной отсутствовали. Имелось окно в предбаннике, где сидели люди, но настолько мутное и грязное, что им можно было пренебречь.

На крыльце центральной избы курил часовой. Сбоку вырос Кошкин, схватил немца за ноги, резким движением стащил с крыльца. Леха рисковал — тот мог закричать, но ударился головой и остался нем. Поединок продолжался за крыльцом, Кошкин сопел, нанося удары, немец сопротивлялся. Потом стало тихо, боец перевел дыхание. В темноте поблескивали шальные глаза.

— Товарищ лейтенант, это вы? — протянул он тягучим шепотом.

— Это я, — отозвался Шубин, поднимаясь на ноги. — Леха, мы не закончили...

— Ну да, один еще бегают, — подтвердил разведчик. — Хотя точно не установлено...

— Вроде всех охватили, — неуверенно заметил Курганов, отделяясь от сарая. — В бане еще денщик, ведрами гремит, напевает что-то, дрова подбрасывает...

Досадный пробел — не научиться считать до шести! Глеб и сам путался. На краю подворья показались двое — Шперлинг и Халевич. Не хватало Вартаняна. Бойцы озирались — не всем давалась в школе элементарная алгебра.

Вскоре все прояснилось: закрипела дверь покосившегося сортира на другой стороне двора, от-

туда вывалился, подтягивая штаны, шестой солдат. Нашлась пропащая душа! Караульный почуял неладное, растерянно заморгал. Отсутствовал товарищ на крыльце, а за ступенями валялось что-то бесформенное. Плюс подозрительные силуэты по периметру — явно не сослуживцы. Он попятился было обратно в сортир, но дверь уже захлопнулась, уперлась в спину. Сделал движение, словно собрался скинуть карабин с плеча, но оружие отсутствовало — оставил на крыльце перед посещением туалета.

Халевич метнул нож за мгновение до вопля. Но слишком далеко оказалась мишень — холодное оружие рассекло воздух и метко ударилось в грудь. Жаль, что рукояткой. Крик застрял в горле, запутались ноги. За спиной возник потерявшийся Вартанян, прыгнул на гитлеровца, повалил его носом в глину, стал колотить по загривку. Чувство меры не отказало. Арсен схватил его за ноги, потащил в темноту, где и продолжил экзекуцию до победного конца. Шубин облегченно выдохнул. По краю ходим, мужики, по самому краю...

Тени заскользили в вечернем воздухе, разведчики подкрались к бане. Снова незадача: за скрипела дверь, вышел приземистый упитанный солдат, выплюнул окурок. Разведчики застыли. О существовании седьмого, в принципе, знали, потому не растерялись. Денщик мурлыкал песен-

ку, по сторонам не смотрел, что и позволило ему прожить лишнюю минуту. Он спустился с крыльца, помахивая пустым ведром, присел у поленницы и стал набирать дрова. Закончив, побрел обратно к крыльцу. Остановился, не увидев часового у избы, крикнул:

— Эй, Гюнтер, ты здесь?

Ответа не дождался, пожал плечами и вошел в баню. В узком тамбуре горела свеча, там топилась печка, стояла табуретка и больше ничего. Тяжелая дверь в предбанник была закрыта, за ней картаво лаял немец, повизгивала женщина. Шубин вошел за денщиком, придержал дверь. Тот заметил силуэт за плечом, резко повернулся и застыл, охваченный страхом. Сильные пальцы сжали горло.

— Спокойно, — прошептал по-немецки Шубин. — Поставь ведро. Осторожно опусти... вот так... — Подогнулись ноги, рыжеволосый упитанный малый в звании обер-ефрейтора опустил ведро. Звякнула металлическая дужка. — Вот и умница, спасибо... — Немец смертельно побелел, глаза полезли из орбит. Он произнес спутанную речь, после чего лейтенант сдавил горло еще сильнее. Мало приятного — наблюдать, как в твоих руках умирает человек. Немец тужился, покрываясь пятнами.

Глеб опустил бездыханное тело рядом с печкой, прижал палец к губам — в баню сунулся возбужденный Кошкин. Понятливо закивал,

осклабился. Разведчики входили на цыпочках — страшные, как демоны, в облезлых фуфайках, в залатанных мешковатых штанах. Шубин на цыпочках подошел к двери, стал слушать.

Веселье текло своим чередом. Поперхнулась женщина, стала икать. Мужской половине собрания стало весело, они загоготали, кто-то ударил бабу по спине. Несчастливая поперхнулась и перестала икать.

— Конрад, да ты прямо доктор! — восхитился немец. Участники гульбы уже здорово набрались и наелись. Забулькал шнапс, родился тост: — За скорую победу великой Германии, за то, чтобы не возиться с этими русскими до зимы!

Пирующие сдвинули стаканы, выпили. Потом кто-то предложил еще раз посетить парную. Не желают ли дамы присоединиться? «Дамы» запищали, что они уже не могут, там жарко, и если господа офицеры позволят им остаться, они будут премного благодарны.

— Я тоже останусь, герр майор, — бросил один из присутствующих. — Не понимаю этого удовольствия — сидеть и обливаться потом. Русские еще вениками хлещутся — зачем? А мы им уподобляемся...

Низкий голос согласился, что он тоже многого не понимает, однако в этой бане что-то есть. Не зря же союзники-финны так ценят свои сауны, которые мало чем отличаются от русских бань.